

Глава 33. Ученичество

Мо Си не спешил отвечать. Вместо этого он медленно, чеканя каждое слово, произнёс:

— Значит, ты и вправду её знаешь.

Нин Цзэ мгновенно пришёл в себя, он невольно широко раскрыл глаза от удивления.

— Когда-то я слышал от неё о человеке по имени Нин Цзэ, — продолжал Мо Си. — Но тот человек погиб в одном из тайных царств много лет назад. Похоже, ты действительно захватил чужое тело, чтобы вернуться.

Раньше Мо Си и в голову не приходило связывать того «Нин Цзэ» со своим маленьким подопечным. Он чувствовал, что мальчик что-то скрывает, но тот был так предан, так старательно ухаживал за ним и соблюдал все правила секты Тяньсюань, что старейшина не вникал в подробности. Если бы не сегодняшняя встреча с Чэнь Яньцином, он, вероятно, так и оставался бы в неведении.

Настроение Верховного старейшины испортилось окончательно.

«Много лет назад?»

Нин Цзэ всегда полагал, что возродился почти сразу после гибели. Оказавшись в теле ребёнка, он вскоре попал в секту. Летосчисление в царстве Цяньюань отличалось от того, к которому он привык, а жизнь на пике Цинхуа вдаль от других учеников лишала его возможности слушать сплетни и новости мира культиваторов. Лишь сейчас, слушая Мо Си, он осознал горькую истину: он погиб четыре года назад, и только спустя два года его душа нашла пристанище в этом теле.

Теперь слова Мо Си о спасении Цю Ваньгэ обрели смысл. Когда старейшина нашёл её три года назад, Нин Цзэ уже год как был мёртв.

По спине пробежал холодок. Мо Си не только знал о его прошлом, но и припечатал его клеймом «захватчика душ».

— Верховный старейшина, — выдавил Нин Цзэ, чувствуя, как бьётся сердце, — мне действительно посчастливилось выжить, но я не захватывал это тело.

Захват тела — процедура жестокая: нужно вытеснить живую душу из оболочки, обрекая её на окончательное исчезновение. К такому методу прибегали лишь те, кто окончательно загнан в угол и лишен моральных принципов. В мире культивации подобных людей презирали и опасались.

— Мне всё равно, каким образом ты выжил, — Мо Си развернулся и направился к выходу. — Ответь на одно: зачем ты явился в Тяньсюань?

Для Мо Си не имело значения, был это захват тела или какое-то редкое искусство сохранения духа. Его волновало иное: пришёл ли Нин Цзэ в секту ради самосовершенствования или у него были иные, тайные цели. Он знал, что в прошлом Нин Цзэ был близок и с Чэнь Яньцином, и с Цю Ваньгэ. Если юноша — лазутчик Чэнь Яньцина, оставлять его в секте нельзя.

Когда они вышли из бамбуковой хижины, её очертания тут же расплылись, скрываясь за густыми зарослями. Тайное убежище вновь превратилось в обычную рощу.

Нин Цзэ не ожидал такого прямого вопроса. Он провёл в секте больше двух лет, и всё это время искренне заботился о Мо Си — пожалуй, даже больше, чем когда-то о собственной матери. А теперь его подозревают в предательстве.

Да, он скрыл факт перерождения. Но как он мог рассказать о таинственном списке в своей голове и о странностях своего воскрешения, если сам в них не разобрался? А связь с Чэнь Яньцином и Цю Ваньгэ была настолько запутанной, что простыми словами её не объяснить.

— Раз в вашем сердце уже созрел приговор, к чему вопросы? — Нин Цзэ глубоко вздохнул, глядя прямо в глаза старейшине. — Даже если я скажу, что у меня нет дурных умыслов, вы мне не поверите.

Мо Си резко обернулся, его лицо застыло, подобно ледяной маске. Нин Цзэ не отвел взгляда.

Налетел порыв ветра, заставив бамбук зашуметь. Яркое солнце золотило их одежды, создавая обманчивое ощущение покоя.

— Когда-то я был дружен с Чэнь Яньцином и главой павильона Цю, — тихим, но твердым голосом произнёс Нин Цзэ. — Но позже, в тайном царстве, Чэнь Яньцин предал меня. Я заплатил за это жизнью. Верховный старейшина, не стоит думать, будто я его шпион... В конце концов, если бы я хотел скрыться, я бы не стал использовать прежнее имя, навлекая на себя подозрения.

— Тебе следовало рассказать об этом раньше, — холодно отрезал Мо Си.

Нин Цзэ горько усмехнулся:

— Если бы я признался во всём при вступлении в секту, разве вы позволили бы мне остаться?

Мо Си промолчал. Будь Нин Цзэ откровенен тогда, он бы действительно выставил его вон. Несмотря на долг жизни, старейшина никогда бы не рискнул безопасностью Тяньсюань. Но это было... тогда.

Нин Цзэ прожил на пике Цинхуа два года. И даже сейчас, когда тень сомнения пала на него, Мо Си понимал, что не может просто прогнать его. Если слова юноши — правда, и он не замыслил зла, то причин для изгнания нет. Однако сама мысль о том, что этот мальчишка водил его за нос столько времени, приводила старейшину в ярость.

После долгого молчания Мо Си наконец заговорил.

— Через полмесяца ты, как и планировалось, отправишься в Долину Долгих Грёз, — он нахмурился, стараясь сохранить суровость. — Будем считать, что я тебе поверил. Но если я узнаю, что ты замыслил нечто против секты, не жди пощады.

Нин Цзэ замер от неожиданности. Всего мгновение назад он всерьёз раздумывал, не пора ли ему сдать и оставить попытки сблизиться с этим человеком, как вдруг — такая перемена. От избытка чувств сработал рефлекс, выработанный за два года услужения: он машинально поклонился и кротко ответил:

— Слушаюсь.

И тут же почувствовал себя ещё печальнее. К чему эта привычка во всём потакать ему?

Мо Си, словно что-то вспомнив, добавил:

— Это всё, что ты хотел сказать? Больше никаких тайн?

Нин Цзэ поспешно затряс головой:

— Никаких. — Подумав, он добавил: — Верховный старейшина, когда госпожа Цю придёт в себя... вы сможете спросить её. Мы знакомы сотни лет, она знает, какой я человек. Я бы никогда не стал лгать вам. Мои отношения с Чэнь Яньцином были... поверхностными. Ничего серьёзного.

«Хочешь сказать, я-то тебя как раз и не знаю?» — Мо Си только собрался сменить гнев на милость, но от этих слов он снова помрачнел.

Заметив перемену, Нин Цзэ тут же умолк и, сделав шагок вперёд, виновато улыбнулся:

— Старейшина, я правда не хотел вас обманывать...

Мо Си готов был поклясться, что видит, как у того за спиной виляет невидимый хвост.

— Я не знаю, что связывает тебя с Ваньгэ, — проворчал Мо Си, — но на её восстановление

уйдёт не меньше четырёх лет. Весь мир считает её мертвой. Раз уж ты её видел, держи рот на замке. Эта тайна не должна покинуть пределов пика.

Цю Ваньгэ была матерью Нин Цзэ в его прошлой жизни. Из-за правил их сект они не могли признать родство открыто, но втайне она души в нём не чаяла и всячески помогала в культивации. Нин Цзэ знал о дружбе матери с Мо Си, но никогда не смел признаться ей в своих чувствах к старейшине, боясь расстроить её.

Она была главой павильона Люинь, могущественной и доброй женщиной. Нин Цзэ не знал, что произошло три года назад, но вид её — безжизненной, едва дышащей — наполнил его сердце не только болью, но и жгучей яростью. Если он узнает, кто сотворил это с ней, пощады не будет.

— Верховный старейшина, — вкрадчиво спросил Нин Цзэ, — кто же так жестоко обошёлся с госпожой Цю?

— Разве ты не видел этого человека сегодня? — вопросом на вопрос ответил Мо Си.

Нин Цзэ мгновенно побледнел.

— Павильон Люинь теперь в его руках, — продолжал Мо Си, качая головой. — Ваньгэ всегда была слишком доверчивой. Я предупреждал её, что Чэнь Яньцину нельзя верить. Видно, людям нужно пройти через ад, чтобы научиться осторожности.

Нин Цзэ едва удерживал маску спокойствия. Значит, и он, и его мать стали жертвами одного и того же человека.

В юности Цю Ваньгэ любила Чэнь Яньцина, но они не могли быть вместе открыто. Когда родился Нин Цзэ, они отдали его на воспитание в обычную семью. Мать тайно навещала его, а отец... отца Нин Цзэ никогда не видел до самого совершеннолетия. Если бы не признание Цю Ваньгэ, он бы и не узнал, что его родитель — прославленный мастер.

После их встречи Чэнь Яньцин разыгрывал роль любящего отца, но Нин Цзэ всегда чувствовал какой-то подвох. И всё же он уважал его — до того рокового момента, когда погиб от его руки. Теперь же, узнав, что и мать едва не отправилась на тот свет по вине этого подонка, он ощутил, как последние крохи сыновнего долга сгорают в пламени ненависти.

Он с благодарностью посмотрел на Мо Си, в глазах зашипало.

— Верховный старейшина, могу ли я иногда навещать госпожу Цю? Она была очень добра ко мне в прошлом... Я бесконечно благодарен вам за её спасение.

Видя его искреннее волнение, Мо Си кивнул:

— Позже я передам тебе технику управления защитным массивом. Но не приближайся к ней слишком часто, ей нужно много духовной энергии для восстановления души.

— Благодарю вас, — выдохнул Нин Цзэ.

Мо Си бросил на него строгий взгляд:

— Сначала вернись из Долины Долгих Грёз.

Нин Цзэ тут же помрачнел. Верховный старейшина остался доволен произведенным эффектом.

— Ты уже не новичок в этом мире, так что лишние наставления тебе ни к чему, — добавил он.
— Если бы ты признался раньше, скольких хлопот можно было избежать! А ты... притворялся, будто не понимаешь простейших техник, и бегал ко мне с вопросами. Сознательно дурачил?

Нин Цзэ смущенно потер нос, не зная, что ответить. Действительно, чтобы почаще видеться с Мо Си, он частенько донимал его просьбами объяснить даже самые базовые заклинания.

— У тебя есть полмесяца на тренировки, — распорядился Мо Си. — Чем выше будет твой уровень, тем больше пользы извлечешь из Долины. И смотри не опозорь меня перед другими сектами.

Нин Цзэ знал, что в тайное царство отправятся ученики из нескольких школ. Выдержав паузу, он осторожно, издалека, спросил:

— Верховный старейшина... вы сказали старейшине Чжао, что я ваш личный ученик. Значит ли это, что и в Долине мне следует называться вашим последователем?

Мо Си насквозь видел эти хитрости. Мальчишка просто хотел знать, всерьёз ли старейшина решил взять его в ученики или это была лишь уловка, чтобы приструнить Чжао Минчэна.

— Руку, — скомандовал Мо Си.

Нин Цзэ непонимающе вытянул правую руку. Мо Си привычным жестом обхватил его запястье, и в тот же миг в его ладони вспыхнула пластина из черного нефрита. Прежде чем Нин Цзэ успел моргнуть, прохладный камень прижался к его коже.

Убрав печать, Мо Си удовлетворенно оглядел результат:

— Теперь ты официально мой ученик.

Нин Цзэ посмотрел на свое запястье. Там красовался изящный символ «Мо» — точно такой же, какой был на нефритовом жетоне связи.

Но он вспомнил кое-что ещё. Крошечный, едва заметный, этот знак был на его кольце-хранилище, на ножках кровати из теплого нефрита в покоях старейшины... Это было клеймо собственности, которым Мо Си помечал всё, что принадлежало ему.

«Погодите-ка... я ведь не вещь!» — мелькнуло в голове у Нин Цзэ.

Вот так принятие в ученики...

<http://bllate.org/book/17490/1714533>